

Евгения Хамуляк

Бывшцы

Дружки

Масленица

Сказки

Продолжение любимых историй

УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ - 2018»

Евгения Хамуляк

**Сказки. Притчи. Новеллы.
Былицы. Продолжение
любимых историй**

«Издательские решения»

Хамуляк Е.

Сказки. Притчи. Новеллы. Былицы. Продолжение любимых историй / Е. Хамуляк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907797-4

Дорогие друзья! Встречайте продолжение любимых историй про школьников и их родителей, мудрых старост и учителей, волшебников и фантастических существ, которые станут вам добрыми друзьями. Ведь несмотря на то, что вы держите в руках сказки, они вам покажутся удивительно похожими на жизнь. Рекомендуется читать как подросткам, так и взрослым, не потерявшим настроение и дух к приключениям.

ISBN 978-5-44-907797-4

© Хамуляк Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
От иллюстратора Юлии Унковской	8
Папина сказка, или Мамино желание	9
Рассветы и закаты	14
Алла Амуон Ра	17
Звери – с верой	23
Сыр-бор в Старбеево	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сказки. Притчи. Новеллы. Былицы Продолжение любимых историй

Евгения Хамуляк

Иллюстратор Юлия Унковская

© Евгения Хамуляк, 2018

ISBN 978-5-4490-7797-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мои сказки нравятся не всем. Они не похожи на хорошеньких собачек или котиков, которые умиляют даже тех, у кого аллергия на шерсть. Скорее напоминают ежей. Да, ежей! Смешных, странных монстриков с иголочками, которые могут испугать и даже уколоть. Вот такое сравнение! И тут сразу же, держа книгу в руках, вы можете определиться, нравятся ли вам ежики? Хотя, если честно, в книге нет ни одного упоминания об игольчатых крысках, потому что главными героями становятся сами приключения, в которые готовы отправиться некоторые смельчаки, поверившие мне на слово, что будет невероятно интересно и увлекательно, а местами даже страшно.

И вот однажды на горизонте появляется такой читатель или читательница, подбирающие книгу для себя... Это похоже на то, будто мы встречаемся на берегу одной маленькой, но резвой речки, где стоит привязанной небольшая, но крепенькая лодочка для одного гребца. Это моя лодочка, ее я придумала только что и сдаю внаем тем, кто хочет отправиться в дальнее или короткое, но очень необычное приключение, где все будет не так, как всегда... Каждому предстоит через сказку, скрытое волшебство, знаки судьбы увидеть события своей жизни. Обещаю, нечто затронет вас в этих историях, и даже покажется, что они написаны про вас. А может быть, сказка не откроет вам свои секреты и вы ничего не поймете... Я давно заметила, что мои герои живут своей самостоятельной жизнью и не все читатели приходятся им по душе... Вот так!

– Но на что это будет похоже? – спрашивает тот, кто пришел, и медленно, пока неуверенно, перебирается в лодочку, беря из моих рук веревку.

Я загадочно качаю головой.

Instagram: skazki_evgeniikhamulyak

– Не скажу. Это сюрприз! Все, что ты прочтешь и представишь у себя в воображении, все равно не будет походить ни на мои описания, ни на впечатления других читателей. Эти сказки как квесты – все зависит от твоей смекалки, фантазии, чувствительности и готовности понять и разгадать мои загадки. Лучше даже не спрашивай...

Сзади доносится какой-то гул, можно подумать, что это страшный рев какого-то монстра, а также слышится шум большой реки, наверное, туда впадает эта резвая речушка. Мурашки

бегут по коже! Мы понимаем, это сама книга призывает окунуться в приключения, ей не терпится через тебя заново прочесть свою историю, увидеть ее твоими глазами...

Ты волнуешься и даже намереваешься спрыгнуть с лодки, думаешь: а оно мне нужно?! Какие-то монстры? Может, лучше вернуться к ежикам? Они понятные и простые.

В этот момент я смело отталкиваю лодку, речка весело хватает ее в свои бурлящие потоки и резво уносит вглубь.

– Не бойся! – кричу я, приложив руки к губам, потому что шум большой реки заглушает все. – Мои сказки всегда заканчиваются хорошо! Я буду ждать тебя здесь. До свидания...

– Н-и-я... – последнее, что слышишь ты, уже забывая обо мне. Ведь маленькая синяя речка просто влетает в бурные, клокочущие черные воды зовущей истории... и уже через мгновение теряются очертания берегов и сквозь белый туман, укрывающий черное бездонное море, проступает гигантская скала, издали похожая на огромную голову... Голову куклы.

– Долли... – говоришь ты себе, ошеломленно прозревая.

И гигантская фарфоровая башня улыбается в ответ, приветствуя и медленно открывая красный громадный рот-ворота, впуская шумные воды вместе с крошечной лодочкой и тонкой смелой фигуркой внутри.

Я стою на берегу и немного волнуюсь.

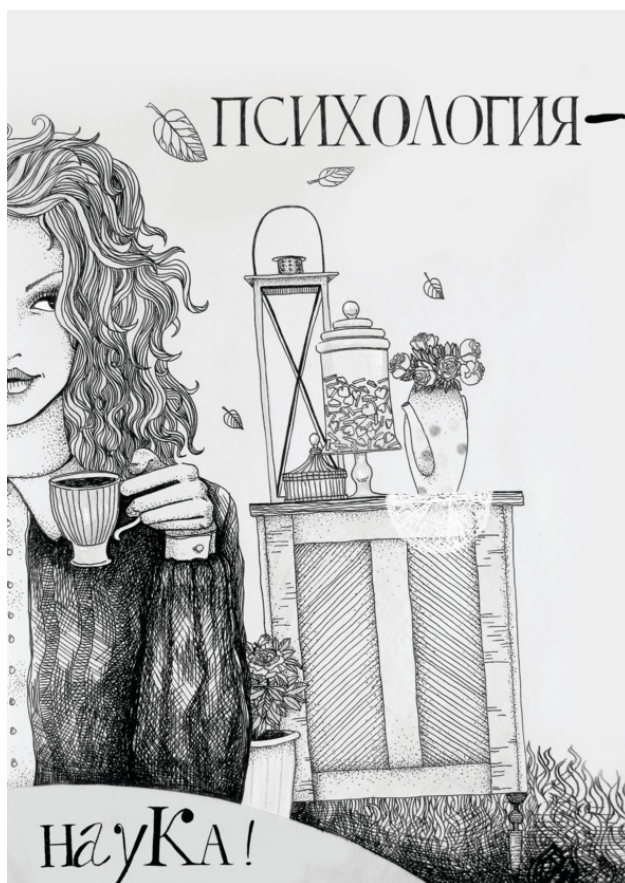
Instagram: yulya_unkovskaya

От иллюстратора Юлии Унковской

Все люди любят сказки вне зависимости от возраста. Я тоже их люблю. Не просто люблю, я их рисую с самого раннего детства, но один случай уже во взрослой жизни заставил меня снова обратиться к некогда забытому хобби – рисованию, залечивающему любые раны. И уже, будучи дипломированным дизайнером интерьера, работая полиграфическим дизайнером, я начала профессионально иллюстрировать сказки. И ничуть об этом не жалею. В сказке возможно всё!

Сказка не даёт утонуть в суровой реальности, стать частью серых будней, в ней я отдыхаю, восполняю силы, лечу ею душу, чтобы потом вновь и вновь возродиться из пепла, как птица феникс.

Читайте сказки и будьте счастливы! Но помните, чудеса сбываются благодаря нам самим: нашим поступкам и вере в них.

Папина сказка, или Мамино желание

От автора. Я написала эту сказку, впечатлившись историей одной очень счастливой семьи, где даже дети казались мудрыми и все понимающими. Наверное, дело было в большой родительской любви, несмотря ни на что умеющей отметить и одобрить важное, отбросив в сторону повседневную суету и мелкие ссоры. Самое удивительное, что таких счастливых семей очень много, намного больше, чем несчастливых. Главное – не смотреть новости, больше общаться с родными, ходить в гости к друзьям и приглашать к себе соседей.

– Папа, папа! Ну, расскажи какую-нибудь сказку! – кричали в голос два близнеца Витя и Сева, лежа в своих новомодных кроватках-машинках «Феррари» и «Ламборджини».

Папа недовольно надул щеки, но не перестал щелкать кнопками своего супернового телефона, на большом и удобном экране которого разыгралась настоящая битва, недавно закачанная с официального виртуала крутого портала, где Папа с большим преимуществом в виде советских танков давил фашистские, с грохотом разрывающиеся на мелкие осколки в разные концы монитора. От праведного гнева и от ожидания близкой победы справедливости над мировым злом Папа гордо выпячивал подбородок вперед и скрипел зубами, устремляя все свое внимание на блестящий экран, а не на отпрысков, жаждущих внимания.

– Ну, папа! Расскажи!

– Расскажи про Деда Мороза! Он знает Санта-Клауса? Они друзья?

– Лучше расскажи про войну! Про войну лучше, – толкнул Сева Витю.

Папа тяжело вздохнул от таких настойчивых, отвлекающих от важного поединка просьб, выкрикиваемых одинаковыми мальчишечьими ротиками, и нажал-таки на паузу в борьбе со злодеями. Потом внимательно и озабоченно поглядел на сыновей:

– Вот прям хоть крестик на лбу ставь, никак не разберусь, кто из вас кто...

– Я – Сева, – засмеялся мальчуган.

– А я Витя, пап, – шмыгнул носом ребенок. – Расскажи про то, как ты яблоки в деревне воровал!

– А еще про то, как карасей авоськой ловил!

Папа укоризненно поглядел на близнецов, потом на моргающий телефон, призывающий добить мировое зло, и, взяв волю в кулак, сказал отрешенно:

– Вы ведь все равно не уснете, пока я вам что-нибудь не расскажу?

Близнецы бесхитростно и чистосердечно закивали одинаковыми русыми головками.

– Ладно... – согласился Папа, в душе проклиная праздник Восьмого марта, по случаю которого Мама отправилась в гости к своей маме, чтобы допоздна резать салаты и заливать заливные к завтрашнему торжеству, на которое созвали многочисленных гостей, чтобы всем вместе отпраздновать этот красный для всех цветочных, ювелирных и шубных магазинов день в календаре.

– Про карасей я вам уже рассказывал... – скучно начал Папа, откидываясь в кресле. – Вот про Деда Мороза можно поговорить... Дед Мороз исполняет желания только хороших людей, которые целый год вели себя хорошо, – заученно повторил всем известную формулу получения подарков от главного волшебника страны соловеющий на глазах отец семейства, – и в качестве вознаграждения всегда получает...

– А вот и неправда! – вдруг вставил Сева. – Не все желания сбываются...

– Как не все?! – вопросом на вопрос ответил едва пробудившийся Папа. – Боты для горных лыж вам Дедушка Мороз подарил? Подарил. К великам новые маркеры? Подарил. А поездка на горнолыжную базу? Это ведь тоже с неба не свалилось, – пожурил папа второклассников. – Дедушка сначала подарил мне халтурку, на которую я приобрел новый ангар для

автосервиса с новым оборудованием для покраски, чтобы на вырученные денежки отвезти вас и Маму покататься на лыжах. Вы же сами хотели, – подытожил довольный таким поворотом своей хитроумной мысли Папа.

– Мама на лыжах не катается... – уточнил Витя, – она их боится.

– Ну... не катается. Зато свежим воздухом подышала, – стал оправдываться Папа, вспоминая детали поездки.

– У мамы настоящее загаданное желание не исполнилось... – грустно подытожил Сева.

Папа окончательно проснулся и, уставившись на сыновей, как говорится в народе, что баран на новые ворота, часто заморгал.

– Как не сбылись?! – даже приподнялся в кресле мужчина и, загибая пальцы, стал перечислять: – Шубу на Новый год купил. Мы ее еще в ноябре приобрели на меховой ярмарке. Это раз. На праздники в Таиланд отвез, на слонах покатали, в океане искупал. Это два. Сережки на четырнадцатое февраля купил. Между прочим, бриллианты! Это три! – Папа помахал мальчикам загнутыми пальцами, сам вдруг превратившись в хвастливого мальчишку-забияку. – На Восьмое марта большой букет с доставкой на дом организовал. И теще тоже! Это четыре! Кроме того, деньги на дорожные итальянские сапоги выдал. – И, ошалело взглянув на сдерживающих смех близнецов, добавил: – Дедушка Мороз, между прочим, вкалывал, как Папа Карло весь год на эти ваши подарочки. Пол-Антарктики перепахал, чтоб сережки вовремя приобрести!

– Пап, Дед Мороз не в Антарктике живет, а в Арктике, точнее, даже в Великом Устюге. Мы ему письмо на Новый год все вместе отправляли по почте, – поправил Сева. А Папа, недовольно посмотрев на сына, потянулся за телефоном, чтобы большим красивым пальцем нажать на главную его кнопку и спросить, чем же отличается Арктика от Антарктики. Мальчишки, попрыгав с кроватей-машинок, подбежали и замерли в ожидании ответа, нависнув над пластиковой коробочкой.

Телефон же долго рябил мозговыми упражнениями и через продолжительное время ответил виноватым женским голосом:

– Я не понимаю тебя, папа...

В сердцах разгневанный мужчина бросил дорогую бестолковую игрушку на стол, и та, видимо, все еще испытывая гнетущее чувство вины, зарыбила, заморгала, а потом и вовсе погасла, а из главной своей кнопки заструился серенький дымок.

– Ничего не понимаю...

– А что тут понимать? Это ж чистая психология! Тетя Женя, психолог из нашей школы и мамина подруга, так и сказала на кухне, когда они пили чай: расхождение интересов ведет к охлаждению отношений между супругами, – Сева сделал умный вид, припоминая услышанную фразу. – А мама ей ответила: чувствую себя ненужной.

– Поэтому и желания настоящие, ну какие ей хочется, а не какие тебе кажутся, – не сбываются... – поддакнул Витя.

– А что ей еще надо-то? – взорвался Папа. – Я и так с открытием этого нового сервиса во всем себе отказываю! Тоже не шоколадкой в масле, то есть маслом в молоке... – размахивал руками мужчина, ища лучшую метафору для сравнения этой сложной, непонятной ситуации с подарками.

– Как сыр в масле, – поправили дети негодующего отца.

– Да! Вот именно! Я тоже мечтал на февральские с Ленкой, то есть дядей Леной, на турбазу махнуть, порыбачить и на снегоходах поехать. Хотел колеса поменять джипу, чтоб летом по бездорожью на охоту с дядей Вовой отправиться. Хотел... – И тут папин взгляд уткнулся в четыре одинаковых, кстати, очень похожих на него ясных глаза, прямодушно смотрящих на родителя, которому вдруг почудилось...

– А что на самом деле она хотела-то?

– А ты ее пробовал спрашивать? – сказал Сева.

– У тебя забыл проконсультироваться, психолог! Давайте докладывайте, всевидящие уши и всеслышащие глаза моей семьи, – съехидничал Папа.

– Ну, тетя Женя говорит, что все люди, и особенно тетеньки, любят сюрпризы.

– Это и без тети Жени понятно, – вставил Папа. – Только как угодить-то?

– Короче говоря, по теории, – продолжил Витя, – люди хотят одного и того же, – внимания. Только одному внимание требуется в виде подарочков, а другому – в словах, например.

– Их всего пять, этих вниманий, – добавил Сева. – По-научному – пять языков любви.

– Это вам в школе рассказывают? – засомневался озадаченный Папа.

– Нет, это тетя Женя на кухне маме и бабушке рассказывала на двадцать третье февраля, когда они вам, тебе и дядя Лене, подарили новые удила финские, чтобы на рыбалке побольше улов поймался, помнишь? Они все продумали и поняли, что твой и дядин Ленин язык любви – это подарки.

– Так-так, – почесал Папа затылок, в котором роем зашевелились догадки, – продолжай-продолжай.

– Ну вот, первый, значит, подарки. Подарил нужный – и человек довольный как слон, – дети захихикали, припоминая радостные крики дяди Лени и Папы.

– Второй – это чтоб вместе всегда быть. В кино, или на рыбалку, или в Таиланд – вместе!

– Третий – обнимашки, – и близнецы, засмеявшись, стали обниматься, изображая влюбленную парочку.

– Четвертый – помощь. Посуду помыл, с детьми посидел, лампочку в ванной поменял – молодец!

– Пятый, как говорит бабушка, самый главный для всех женщин – словечки. «Мой Андрюшечка», «Да, моя Танечка». – И опять пацаны принялись строить рожи и хохотать, хотя за окном уже давно была ночь и всем давно было пора спать. Как хорошо, что Восьмое марта – это красный день в календаре, большой праздник для большой страны и не нужно с утра пораньше бежать в школу.

В этот момент терпение Папы лопнуло и он захотел схватить сорванцов за шивороты пижам, но те, как чувствовали, вовремя отскочили в разные стороны и Папа сам не смог удержаться от смеха, лишь качал головой, в душе гордый оттого, какие умные, веселые, интересные, талантливые, прозорливые ребята у него растут.

– Значит, вы все везде подслушиваете, жучки?

– Почему же сразу подслушиваем? Только глухой и слепой не слышит, что в доме творится. Вот бабушка так и говорит, мол, если бы жили за городом, все вместе, в одном доме – было бы больше места, у каждого по комнате. Он бы огород с натуральными продуктами посадил, легче и экономичнее один холодильник наполнять, чем два.

– А бабушка говорит, помогала бы с детьми больше.

– Жить в городе удобнее, можно больше времени уделять работе, а из области не наездишься. Да и вам зачем помогать, вы вон и так взрослые! Все знаете!

– Просто Мама как-то сказала тете Лене по телефону, что мечтает иметь вот такую малюсенькую хорошенькую дочечку, – и Витя показал пальцами какую.

У Папы округлились глаза как раз до размера, показанного пальцами Вити.

– А еще на Новый год Мама с нами писала письмо Деду Морозу, которое мы отправили в Великий Устюг по почте, чтобы он сжег твой новый сервис и превратил тебя в того прежнего, простого, веселого, доброго Папу, какого она полюбила в институте.

– Иначе, как сказала тетя Женя, психолог, запахнет семейным кризисом.

Папины глаза вернулись на место, но что-то стало происходить с его лицом. Вот только минуту назад оно было задорным и даже глуповатым, как у мальчишки, а уже сейчас стало серьезным, как у взрослого дяденьки.

– А она плакала, когда письмо писала? – спросил он грустно и поджал губы, видя, как кивают светлые головки близнецов.

Папа вытер слезу, нечаянно набежавшую от услышанного, и, позвав двух сорванцов, видящих, слышащих и чувствующих все на свете, крепко, по-отцовски благодарно обнял их.

Так они и обнимались, каждый думая о своем... Папа о Маме и ее истинных желаниях, о которых он ничего не знал, потому что последнее время был больше занят работой и своими делами, а дети – о том, как бы намекнуть Папе, что их язык любви совпадает с папиным и с маминым одновременно.

Вдруг часы в зале пробили полночь и в этот самый момент лязгнул ключ в замке и тихонечко, на цыпочках, чтобы не разбудить своих спящих мужчин, в дверь протиснулась Мама.

– Ложитесь спать, мальчики, – спокойным отцовским тоном произнес Папа, направляясь к выходу и забывая в детской свой телефон и желания новой лодки, новых покрывал, новых гаджетов и прочей дребедени.

Он вышел в прихожую и многозначительно, по-новому, посмотрел на свою любимую жену.

– Ты еще не спишь? – удивилась молодая женщина. – Иди ложись, тебе же завтра с утра на работу еще. А я приберу кухню после ужина.

– Давай заведем еще одного ребенка? – вдруг сказал Папа.

Мама широко распахнула глаза, не веря услышанному, и ничего не ответила.

– Я вернулся, Танечка, – сказал Папа, подходя ближе.

– Надолго? – спросила Мама чуть дрогнувшим голосом.

– Навсегда, – и обняв счастливую Маму, счастливый Папа легко закружил ее, как в дни своей юности.

***

– Вот те на! – шепотом сказал Витя, убирая голову из проема двери.

– Вот тебе и психология! – шепотом подтвердил Сева, многозначительно кивая и поднимая палец вверх. – Наука!

Конец

Рассветы и закаты

От автора. Однажды меня спросили о самом ярком рассвете и о самом темном закате в моей жизни... Оказалось, что эти моменты неразрывно связаны с закатами и рассветами моей большой семьи, где встречались настоящие звезды, луны и солнца.

Однажды один человек, большой, как гора, полюбил одну женщину, маленькую, как птичка, и решил жениться на ней. Но невеста была такая бедная, что, кроме платья, у нее ничего не имелось.

Тогда большой человек решил подарить ей дом, полную чашу и горячий очаг, чтобы она согрелась от стужи, что преследовала ее в жизни. А она взамен стала дарить ему детей.

Сначала у них родился сын, и большой человек очень обрадовался такому чудесному подарку. Ведь он так хотел иметь сына, который бы походил на него. Но недолго прожил мальчик, и горе унесло его жизнь в лунную реку. Тогда маленькая женщина родила еще одного, но и тот не задержался надолго.

Погоревав, молодая жена сказала мужу, что родит ему дочь и та, словно солнце, прогонит все печали и озарит их дом счастьем.

Так и случилось: на рассвете маленькая женщина, похожая на птичку, родила очаровательную малышку, такую прекрасную, как та заря, что занималась алым пламенем в тот самый миг. И родители решили назвать ее в честь нее – Зарей.

Но маленькая женщина очень тосковала по своим первым сыновьям и, пожив еще чуть-чуть, ушла искать их в лунную реку. А еще через какое-то время, безмерно скучая по своей любимой жене, вслед за ними ушел и большой человек, похожий на гору.

Жизнь Зари омрачилась такой утратой, и, как она ни старалась, ее пламя не возгоралось, как мечтали большой человек и маленькая женщина. И тогда, понимая, что не в силах исполнить заветы родных, она решила собрать свои последние силы и родить Солнце, чтобы оно вместо нее, беспомощной, осветило счастьем все вокруг.

Однако и здесь все оказалось непросто. Рожденное Солнце никак не загоралось, не понимая смысла своего рождения, лишь изредка опасно извергало яркие искры, поджигающие вокруг сухие осенние листья, похожие на сухое картонное сердце.

Но однажды будто кто-то сверху смилостивился над блекнувшим Солнцем, на которое возлагалось такое неподъемное посланничество, и в его жизнь вошло настоящее Светило, зажженное еще тысячу лет тому назад. И, ухватившись за его мощные лучи, блеклое Солнце стало греться от его жара, переливаясь волной блаженства и долгожданного спокойствия.

И от этого подаренного благополучия благодарное Солнце сказало плазменному кумиру: «Я так люблю тебя! Ты есть все для меня! Без тебя я ничто! Если ты оставишь меня – я умру...»

Говоря это, Солнце совсем не знало, что это были волшебные слова. Стоило лишь произнести их хоть раз, и тот, кому они предназначались, – словно заколдованный, должен был бы покинуть говорившего. Навсегда.

Так и случилось... Начался закат Светила, и как только Солнце ни цеплялось за его меркнувшие в ночи лучи – он ушел.

Почти потухнув от отчаяния, незажженное Солнце стало вовсе чёрным, как то беззвездное небо над головой в самую ненастную тёмную ночь.

Этим чёрным Солнцем была я, которая садилась в плетеное кресло на высокой горе с видом на бескрайнее море, где каждое утро и каждый вечер вставали и заходили неземной красоты рассветы и закаты, красоту которых я не замечала.

Ничего не радовало мой взгляд: закат не уходил, а рассвет так и не наступал.

И однажды, устав от ожидания, я строго посмотрела в небо и, схватив черное полотно за край, утыканный драгоценными камнями, стала наматывать его на твердый свой кулак. А потом переложила его узор на бумагу и получился длинный рассказ про сухое картонное сердце куклы, разбитое предательством, но не потерявшее надежду в один прекрасный день вновь задышать и забиться, как человеческое.

И когда была дописана последняя страница и поставлена черная точка, неожиданно закончилась та долгая ночь, что затянулась на годы, а высокая гора озарилась величественным долгожданным рассветом, наконец-то тронувшим погасшее Солнце. В ответ оно проснулось и засветилось, как ему было предписано при рождении, озаряя все вокруг на тысячи километров вперед, назад, в прошлое и даже в будущее.

Заря, названная в честь пламенного рассвета любви большого человека, похожего на гору, к своей маленькой женщине, похожей на птичку, и все-все-все вокруг были счастливы.

Однако солнечный костер лишь разгорался, и, усилив свечение, я разрешила ему стать палящим красным солярисом, испепеляющим ледяные глыбы и даже несокрушимые айсберги, встающие на пути, чтобы проверить мою силу.

А еще я позволила ему блеснуть нежным весенним солнышком, которое могло осветить своими проникающими повсюду лучиками затемненные уголки души, пришедшей порадоваться вместе со мною, и там тотчас же расцветали веснушки.

Через некоторое время, почувствовав невероятную силу, я поняла, что могу рожать новые солнца и даже луны, которые своим свечением и мерцанием могли озарять то, что до них еще не делал никто.

Я разрешила себе все: обращаясь то луной, то звездами, придумывала и порождала новые миры, где главными героями становились куклы, люди, плюшевые бурые мишки, зеленые кро-

кодили... И с тех пор больше не боялась закатов, зная, что вновь намотаю их на твердый кулак и переложу узор на бумагу...

Конец

Алла Амуон Ра

От автора. Благодаря бурной фантазии в сказках я могу сочетать весь свой жизненный опыт: от прочтенных книг, понятых истин, а также от безмерного уважения к культуре наших предков. Передаю его вам через былицы – истории, которые были... Пусть пока и в моем воображении.

Здравствуйте, добрые люди! Славы и почета! Здоровья и богатства! Сегодня расскажу вам одну былицу да про одну мудрую женщину, которая... Ой! Знаете, да? Про Павлину Куприяновну? Вот так так!..

...которая поживала в одной деревеньке, не большой и не маленькой, под названием... И про Вечканово слышали? Вот те раз!

Ну, хорошо! Жила-была-поживала в деревеньке Ивакино, куда переехала мудрая староста, обручась под руку крепкую и надежную доброго своего супруга Данила Александровича... Наслышаны, говорите? Что за диво! Ну, молодцы! Все знаете, все помните! Значит, не зря поучительные сказочки по миру ходят, из уст в уста передаются, улыбками лицо любознательное раскрашивают на радость друг другу и поколению подрастающему, на мудрых приключениях старосты жизнь познающему...

А хотите новую? Да не простую, а про настоящих богатырей русских, кому суждено Землю-матушку спасти от коварства нечеловеческого?

Ну, тогда берите подушки-сеновалки, яблочко наливное иль грушу спелую вприкуску, укладывайтесь поудобнее и слушайте меня внимательно...

Однажды в час обеденный, размеренный и расслабленный Павлина Куприяновна стол накрывала для обеда знатного, приготовленного с трепетом и обавью для мужа своего прелюбимого Тихомирова Данила Александровича, разомлевшего после работы праведной по восстановлению деревни своей родной Ивакино и блаженствующего от вида и заботливых хлопот ненаглядной женушки обожаемой, с которой вот уж год как душа в душу жил и радовался счастьем заслуженному...

Как вдруг в дверь отчаянно застучали, разбивая миропорядок и блаженство семейное. И ворвались двое мужчин разного вида с лицами хмурыми, серыми, обеспокоенными.

– Здесь ли проживает староста мудрая? – спросил один.

– Это ли дом Павлины Куприяновны? – спрашивал другой.

Глянула хозяйка на незваных гостей и оторопела, ложки деревянные расписные на пол роняя, будто привидение старое завидев. Да и Данил Александрович рот приоткрыл от неожиданности.

А ведь и вправду видок у гостей был престранный: один – так еще ничего себе, мужик как мужик, в вышиванке светлой прекрасивой – сразу видно, большой человек, староста или большак семейства какого, да только весь взъерошенный, лицом бледный, глаза на мокром месте. Что же мужа уважаемого напугать так могло?

А второй – батюшки-светы, смотреть страшно: длинный, белесый, с глазами прозрачными, на башке колпак высокий, острием по потолку скрябает, в балахоне длинном, по полу покрова волочат. Ну, точно иль колдун черный, или того похуже – посланник дьявольских сил! Не жди добра ни от того, ни от другого...

Ворвались и друг на друга глазами стрельнули: кто первый речь держать станет?

У белесого вид пострашнее имелся, мужик в вышиванке тоже оторопел и стал подальше отодвигаться. Потому начал в колпаке:

– Славы и почета! – сглотнул, дыхание восстанавливая. – Простите торопливость неуважительную, волнение вскидчивое, что без предупреждения в дом к вам жалую. Однако ж дело, с каким прибыл, не терпит промедления. Нет времени на церемонности... Не взыщите, – и к словам поклон от души в пол присовокупил.

«Хоть и странный, а воспитанный», – подумалось всем присутствующим.

– Можно ли наедине с уважаемой старостой переговорить? Дело наиважнейшее, вселенского масштаба, требует секретности.

Хотел было мужик в вышиванке что-то сказать да Данил Александрович было ответить, что давно в этом доме старосты нет, да только взглянули оба на Павлину Куприяновну и ахнули разом, святым знамением себя осеняя. Побледнела женщина, будто кровь от тела отлила, глаза засветились неясным мерцанием, а вокруг головы венец переливами золотыми заярчал. Диво дивное! Чародейство неведомое! И попятились оба из избы, понимая без слов, что творится нечто несусветное, для человеческих глаз недосыгаемое, для ушей – недоступное.

– Мира вашему дому, Павлина Куприяновна.

– И ты живи в благости, Радагость, – склонила голову женщина. – Сто лет в обед как не виделась, и хоть рада зреть тебя, да боюсь спросить – зачем пожаловал. Не каждый день на крыльце своем ангела встретишь.

Белесый человек улыбнулся слегка, плечами балахон с плащом стряхнул, а оттуда, о чуда, вместо рук крылья белоснежные, будто лебединый пух, выпорхнули:

– Беда, Павлинушка... Напасть, которую семь веков не ждали, думали, стигнула начисто, – возвращается...

Павлина Куприяновна рот рукой прикрыла от ужаса.

– Ведь уж и забыли про страсти прошлые, зажили жизнью человеческой. Да, рановато, видимо... Спасибо пращурам наимудрейшим, чудодеям великим, звездочетам магическим, кто око свое не сводил с небосвода ни секундочки, зная, что ухо остро держать надобно, узрели беду. Не верило общество поначалу, что после мытарств и проигрыша преогромного восстановится нечисть проклятая и опять захочет вернуться на Землю Русскую, снова тараном ее брать вознамерится, нарываясь на силу нашу славную. Да память истощается и у супостатов, верно. Мало монстрам выдали в запрошлый раз, опять хотят кровушки русской испить. Возвращается иго... – понизил голос полный суровости странный гость.

– Кажи мне, друг добрый, как все было... – голосом глухим молвила Павлина Куприяновна.

Крылья ангельские в сторону развелись, освещая своим великолепием светелку деревенскую, и будто пропало все вокруг от такого лучезария. Через пространство и время, сквозь туман и звезды узрела Павлина Куприяновна просторы Земли Русской до самых до пределов вселенских, что с чернотой граничила, там, где нога человеческая не ступала, а лишь пращуры титанические на своих плечах могучих весь свет до сих пор держат. И углядела, как невзирая на безмерную мощь, силу гигантскую, сквозь пяты обширные и взоры всевидящие, устремленные в беспределы космические, где разумы их божественные, неподвластные обыденному осмыслению, блуждают, нечисть проклятая и для них невидимкой проскользнула.

Нашли чудища слабое место в священном строении, подобрали ключик к тайнам мироздания, чтобы овладеть богатствами Земли Русской и, испив крови людей, самим во властителей вселенных превратиться и дальше разрушение нести мирам бесконечным. И только один таковой путь всегда имелся – через предательство. Нет пороков, нет других изъянов, лишь глупость рода человеческого, обманом тайным подкупленная, языками раздвоенными нашепченная, ядом сладким сбрыженная, будто может один лучше другого стать, выше опыта и мудрости старших вырасти, перепрыгнуть через кон, усилие не применив. Почет и славу, богатство и счастье достичь – просто так. Невидимым враг таким образом через душу предателя проходит и тем опасен во сто крат становится. Ибо незрим – значит могущ!

Схватила за горло староста и, потеряв дыхание, бледная вылетела из дома, на колени на траву зеленую падая, руки женские к солнцу протягивая. Одной рукой провела, будто кольцо нарисовала, другой лучами невидимыми его разукрасила, схватила кусочек земли, прядь волос своих и в колечко нарисованное, солнцем освещенное, просунула.

Ожило кольцо золотое, затрепетали лучики резвые, осветились земля и волосы, а потом, будто огнем яростным опаленные, черным пеплом в руки старосты осыпались, обжигая плоть. Замотала головой Павлина Куприяновна в мучительном отчаянии, слезы горькие роняя на ладони свои, не веря виденному, шепча:

– Не может быть... Не может быть, что опять беда пришла, – и было в отчаянии женщины столько тяжести, словно сама Павлина Куприяновна ощутила то горе, что ей предвиделось. Словно побывала на пустынях разграбленных, держала на руках убитых детей, не повинных ни в чем, видела лица суровые мужей и жен, ожесточенно сражающихся между собой, так врага настоящего никогда и не завидев.

Сзади подошел Радагость и уже рукой человеческой приобнял несчастную, которая, встав с колен, стала осматриваться вокруг, словно не веря заплаканным глазам: Священные Рощи благоухают и жизнь дают, бьют родники и силу несут, дети смеются и своей радостью надежду вселяют на возвращение к истокам волшебным культуры человеческой прославленной.

– Бестии проклятые, значит, возвращаются, – сама себе молвила Павлина Куприяновна.

– Все думали, раз дали разгром – конец бедам. Да зазря отпустили захватчиков, поверили в увещевания о раскаянии.

– И что же делать, Радагость? – вопрошала староста.

– Наимудрейшие со всех концов богатырей славных разыскивают, на подвиги которые отправились, опускаясь в низы глубинные, в души низменные, что за время ига из-под тартаров повылазили в надежде возвысить их до одного божественного миролюбивого сознания, дабы улучшаться и совершенствоваться всем вместе и разом. Да вот беда, Илюшу не могут разыскать. В такие дебри Муромец отправился, в такие мути опустился... Кликали-кликали – не возвращается. Потому всех позвали как можно скорее героя вернуть, чтобы победил нечисть в бою скором.

– Сколько времени осталось до битвы?

– Дней пять... Стоят могучие Дэвы на девяти склонах, высятся мудрые Вествийцы на восьми вершинах, да только у кого ключи от дверей имеются – все преграды пройдет без сучка без задоринки. Потому и тебя потревожили...

– Где ж искать его? Как узнать? Есть ли ниточки?

Помотал удрученно головой Радагость, колпак одевая на кудри белесые:

– Никто не знает... Одна примета имеется: непробиваемый он, Богатырь Великорусский, оттого незаменимый для противостояния с сатаной проклятым... Прощай, дорогая Павлинушка, впереди – иль счастье, иль горе, да и в том и в другом ты неизменная всегда остаешься, правдивая и славная, – поклонился ангел, опустил капюшон на голову и, не прощаясь с остальными, ушел в поле, где вдруг растаял, словно его и не было.

***

Через время печальная и уставшая вошла в свой дом Павлина Куприяновна, обнаружив второго своего гостя неожиданного, Степана Ладамировича, что все это время в сенях сидел беседовал с Данилом Александровичем. Привстал гость и, поздоровавшись, просил:

– Уважаемая Павлина Куприяновна, прими теперь и мои просьбы к помощи. Не о мелочи прошу, на кону судьба человеческая, и не одна, стоит. Иль возвращаюсь с благой вестью, или не дадут жизни мне в родном краю.

– Прости, уважаемый гость, да не до тебя мне теперь... – грустно уселась на лавку женщина, о своем размышляя.

– Не отказывай, прошу. Хоть послушай... – и без согласия стал лепетать, что с недавнего времени поселилась в его деревеньке, где он трудится в совете старост, одна женщина. С виду красивая, умная, смелая, на язык – острая. Родители ее – важные люди в Царь-Граде. Да только кто с этой женщиной говорить берется – тот сам не свой становится. Пошли раздоры в селении со всех сторон: сначала принялись ругаться бабы меж собой, втягивая супругов и детвору, потом очередь деверей, снох и всех прочих настала. Пока вконец все не перессорились! Хотели было общим собранием выгнать ее со скарбом, да за нее родичи из соседнего селения вступились. Попросили тех родных забрать тогда к себе такое сокровище, да те отнекиваются. Отказались и родители из Царь-Града от такого подарка. Под конец и муж покинул сварливую жену, оставив с теремом расписным и житьем-бытьем впридачу. При этом всем миром за нее платят, заступаются, лишь бы жила в достатке и в родные края не возвращалась. А она, прознав про силу свою и про положение селян безвыходное, еще больше понукает-старается, на чужих страстях играя, похихикивает себе под нос вздорный, наблюдая, как семьи разваливаются да жизнь в деревне оскверняется.

Вздыхнула тяжело Павлина Куприяновна от рассказа мутного и сорного.

– Прости, уважаемый ты мой Степан Ладамирович. Да, положение не из легких сложилось в твоём селении, но не до тебя мне сейчас, честное слово, – и взяла за руку его тепло, грустными глазами простительно всматриваясь.

– Видел, что напасти свалились на головушку твою светлую и не знаешь, с чего начать, как подобраться к ним. Так вот, пока решаешь, помоги нам. Здесь тоже вопрос жизни и смерти стоит, – все жалобно молил Степан Ладамирович.

– Не могу. Прости. Не держи зла. Совсем в другую сторону мне, – сказала свое последнее слово староста.

От отказа невесело поник головой мужик, поклонился, попрощался и понуро домой поплелся, без надежды вперед глядя.

***

Вышла Павлина Куприяновна во двор, откуда широкое поле, амарантом засаженное, начиналось, во все края свою душу широкую простирая, и просила губами шелестя:

– Птички-птички, души воздушные, предвестницы богов природных, укажите дорогу, где искать запрятанного Богатыря Русского? – и в небо синее взглянула. А в ответ, будто из-под облаков пушистых, стая лебедей белых вылетела, покружилась над домом да над старостой и клином на север отправилась.

– Рановато на север лететь-то... – сама себе молвила Павлина Куприяновна. А потом уселась на землю черную, из которой все живое прорастало, кормило, едилило, и снова стала наговаривать:

– Травушка-муравушка, червячки корявые, букашки скользучие, укажите путь мне, где искать Илью Муромца, превеликого героя-освободителя?

И опять, будто в ответ, мураши с козявками забегали, лапками задергали и углом изворотливым на север устремились, бросая травинки и работу.

Удивлялась увиденному староста и, будто червячки услышать могли, сказала им назидательно:

– Царь-Город-то в другой стороне!

Однако мурашки, не слыша или не понимая разговор человеческий, продолжали клиниться, куда первоначально их спрашивали.

Встала тогда Павлина Куприяновна, руками в воздухе опять кружок солнечный рисуя, и приложила глазом, будто в трубу подзорную наблюдаючи. А там смешное дело: леса, поля, природа дивная, будто сговорившись, кренились стали кровлями да ракурсами, сходясь в одной точке намеренно. И точка эта была не что иное, как спина недавнего гостя, расстроенного делами своей деревни – Степана Ладамировича, что домой идти не торопился с плохими известиями.

Неожиданно сзади на плечо старосты рука знакомая легла. Повернулась премудрая и увидела лицо супруга своего прелюбимого, который с дружественной улыбкой ей в глаза смотрел понимающе.

– Одну не отпущу. Вместе пойдем искать. Без тебя дом – не дом, – и на этом обнялись крепко разлюбимые.

А потом кликать стали Степана Ладамировича, который своим ушам поверить не мог от неожиданной надежды вёрнутой и стал радостно на месте пританцовывать, предчувствуя вскорости возвращение благодушия в Старбеево.

***

– Далеко ли до твоего Старбеево, милый друг? – спросила Павлина Куприяновна, надевая котомку с вещами на плечи сухие поджарые.

– Совсем ничего: три дня пешком с ночевками в Траханеево и Верендякино, а там уж и до Старбеево рукой подать к ночи, – легко мыслил мужик в красивой вышиванке.

– Нету у нас твоих трёх дней, – грустно молвила староста, сделала шаг вперед и в небо засмотрелась. Кружились ласточки низко у земли – к дождю, да ни с того ни с сего взбаламутились и рванули стаей вверх, стрелочкой слетаясь, чей угол острый на буреломы лесные указывал.

– Пойдем лесом. Без остановок. Без сна, без отдыха. Так быстрее будет.

– Да там болото и топи, буреломы и крены сильные. Магия черная кудесит. Не пройдем, а то еще и вовсе сгинем, – заверещал недоверчиво сотоварищ.

– Другого пути нет, – отрезала женщина. – Отпейте водички колодезной, откушайте хлебца амарантового, следующая остановка лишь в Старбеево будет.

Ошалел мужик в вышиванке от суровости предстоящего пути, но не смел перечить, благодарствуя в душе за отклик Павлины Куприяновны в деле старбеевском. На все готов был пойти, на любые мытарства, лишь бы сохранить лад в своем родном селе.

Лишь Данил Александрович со своей стороны ничего не говорил, а только с радушием и юношеским пылом в дорогу собирался. Всякий поход приключением ему являлся, а в жизни их не так много и бывало, все дом да работы каждодневные, потому ценил крепко каждый, будто юностью повеяло. А хоть бы и в последний раз! Главное, что в честной компании, за дело ратное да с Обавью под руку.

К слову сказать, водичка колодезная да хлебушек старостин не простыми оказались: лишь потом Степан Ладамирович вспомнил, что тот день долгий ни разу о кушанье и не вспомнил, ни разу не присел, не отдохнул, и хоть тяжела дорога оказалась, да поминал ее потом всю жизнь как дюже важную и знаменную на своем веку. Ибо за время пути, разговорившись с четой премудрой, столько всего на ус намотал, сколько за жизнь не помнил. Жалел потом, что не было времени да возможности записать мудрости, некоторые из башки так и повыскакивали, словно лягушки болотные.

А дорога через лес и впрямь была тяжелой, а все потому, что в древние времена, когда напасть на Русскую Землю свалилась, первыми от ее ударов пострадала чудь белоглазая, слывшая силой неведомой, оттого первой к уничтожению приготовленная. Почти вымерло волшебное население, по крайней мере, уж несколько веков никто чудь в глаза не видывал; бесхозные

куды и терема, леса и болота в негодность пришли, закрылись и ожесточились от взора человеческого и нечеловеческого раненые лесные жители и травы, попрятавшись в буреломы непроходимые и пещеры глубокие непролазные. Старались селяне не соваться на кладбище это, ранее райскими кущами цветущее, а теперь коряжником выкорчеванным заваленное. Не распускалась покалеченная природа более цветами сладкими, а покрывалась колючками ядовитыми в страхе от рук человеческих и нечеловеческих, которые ее убивали медленно, жестоко, неведающе...

Рвалось платье старосты в дебрях диких, тонули ноги в болотах топких, воздух тяжелый, сонливый, спорами гадостливых ядов не давал дышать свободно. Однако ж друзья-соратники друг другу в помощь не обращали внимания на тяготы и опасности пути. Двигались вперед, не сговариваясь и не жалуясь.

Как нечаянно Павлина Куприяновна оступилась на сваленных скользких бревнах деревьев священных, давно омертвелых от сруба губительного, и почти в яму-ловушку с шипами острыми угодила, еле-еле ухватившись в последний момент за корень полусухой. Еще чуть-чуть и свалилась бы в капкан смертельный!

И так и эдак пытались други ее ухватить-помочь-вытащить. Да все без толку! Посмотрела староста вниз на шипы и увидела, что это Роза Чайная за время напасти обросла острыми иглами, себя оберегая от захватчиков.

– Роза Чайная, красавица благоухающая, услышь меня, Павлину Куприяновну, которую в молодости в честь тебя называли, поминая красоту цветущую, схожую с твоей волшебной. Знаю, нелегко тебе пришлось за время бедствия земляного, одичали-озлобились люди от жестокости войны с супостатами проклятыми и с тобой нечеловечески стали обращаться, срывая бутоны нежные и беспутно мертвыми друг другу раздаривая, себя же несчастных на смерть обрекая. Но прошли те времена. Слава Всевышним Силам! Возвернулись каноны: не срубают люди святое, не едят живое, берегут родное. И сюда мы пришли лишь за тем, чтобы путь сократить в поисках богатыря Ильи Муромца, который должен вновь на защиту встать Земли родной.

Повисела малек на корнях женщина, давая живому опомниться, поглядела вниз и заметила, что растение словно услышало зазывы правдивые и попрятало смертоносные иглы, распознавая дружественность искреннюю.

Спрыгнула вниз Павлина Куприяновна, словно девчонка резвая, и, подойдя к кусту изумительно прекрасному, вдохнула аромат райский, а выдохнула в ответ слова восхищения и благодарения, кланяясь в землю жизни древней. Благоухания магические в райские времена на подвиги вдохновляли, на творчество настраивали, на любовь воодушевляли. Так и Роза Чайная, волшебный куст чудом выживший, ароматом священным благословила Павлину Куприяновну на поиски богатыря и спасение родной всем Земли.

– Спасибо, родная, – поклонилась в пояс женщина и, услышав внутренним обонянием доброе, взяла с земли сухие цветки-саженцы, чтобы посадить у себя дома чудо расчудесное после того, как все уладится, и таким образом с волшебством каждый день в соседстве встречаться.

С помощью друзей выбралась из ямы, и все вместе, поклонившись благосклонности пресвященной, отправились дальше, держа путь в Старбеево.

Звери – с верой

Долго ли коротко ли шли не останавливаясь, мгновения драгоценного не теряя. Как неожиданно вышли на поляну ровную и обомлели от увиденного зрелища: по кругу на лужке усевшись на задние лапы, звери лесные пищат-пиликают-тараторят, будто разговор меж собой ведут. Тут и волки, и медведи, и слоны, и коты, и кабаны, и верблюды, и быки.

Попятилась троица от такой дикости, да завидели звери чужаков и стали рычать-наступать, острыми клыками да когтями посверкивая опасно.

«Видать, конец пришел», – подумал мужик из Старбеево, глазам не веря.

Хотели пёсьи морды броситься на Павлину Куприяновну, что без страха стояла и смотрела на зверье свысока, да от аромата розового, который обволакивал старосту со всех сторон, делая благодушным все вокруг, псы завyli звучно, в собак домашних ласковых превращаясь, в ноги кидаясь стелиться.

Хотели коты когтями своими разорвать Данилу Александровича, да аромат волшебный из них кошек печных сотворил, что шубами гладкими ластиться примостились.

Постояла-подумала-прикинула староста что к чему, а потом речь начала:

– Прячетесь здесь от отчаяния? Чувствуете, скоро грянет гром среди ясного неба и молнии на ваши головы проклятые посыпятся? Бойтесь, озверелые? Али желаете вновь в ряды захватчиков вступить продолжать зло чинить на Земле Русской? Не научила вас школа суровая, что иродам вы лишь по первости нужны, как палачи, а потом и вас в сор из избы пометут за ненадобностью! Все так и будете пятки чужакам лизать, нежели прощения попросить, поклониться настоящим хозяевам Земли Русской, что до сих пор на своих четверых разрешает стоять после тех изуверств, что вы сотворили?! – бросила грозно Павлина Куприяновна.

– Люди бьют нас палками, – выли волки.

– Хвосты отрезают и распинают, – визжали коты.

– На бойне терзают нас на мясо и кожу, – верещали быки со свиньями и прочими рога-тыми.

– Из-за вас, проклятых, души адские повылазили из пекла очистительного, вот и поделом вам столкнуться с ними, с зеркалом безобразным, вашего вида и разума лишь достойного, – резюмировала сурово староста.

– Не взыщи, волшебница, сами мучаемся, знаем, что виноваты, да не ведаем, как прощение заслужить, исправить содеянное?! – пали верблюды со слонами оземь на колени.

– Обернитесь истинными ликами, несчастные! – скомандовала Павлина Куприяновна.

И как каждая тварюга на месте замоталась! Как завертелась! И истинными рожами своими показала. Сразу вспомнились кровавые деяния мучителей человеческих, кои правдами и неправдами чуть не погубили прародительницу.

Предстало перед тонкой фигурой мудрой женщины, овеванной спасительными ароматами цветов волшебных, войско невиданное: то ли люди, то ли звери, нечисть с гадостью, с башками косматыми, телами махровыми, лапами лохматыми, нечесаные и несчастные, никому на свете не нужные.

– Скажи нам, благородная, что ждет и что делать? Видим, тучи свинцовые сгущаются над небосводом Земли, что нам матерью стала за последние века. Вот совещаемся, да не знаем, как поступить правильно. К супостатам в слуги идти, что наши земли ранее порушили, детей в пекле пожгли и нас в зверье поганое превратили, – больше не желаем такой гобины! К людям соваться – за грехи растерзают справедливо, лишь рожки да ножки останутся. Нигде нам места нет, иродам горемычным... – и завyli-замычали каждый на свой лад.

– Правильно речь толкаете: потеряли вы в войне больше, чем люди, отныне ни земли своей, ни родины, ни гордости, ни друзей, ни детей, ни будущего... Проклятые до скончания

времен! Одна дорога теперь ждет – жизни свои не жалея, помочь человекам противостоять захватчикам. И может быть, глядячи на раскаяние честное, простят вам зверства прежние... Да только не верится, что совесть в сердцах черствых проснется. Совесть – дело божественное, с Вестью Богов прилаженное. А вы – нечисть бессовестная, окаянная!

Встало в круг зверье и давай совещаться, курлыкая на своих абракадабрах. Ожидали смиренно гости леса, не вмешиваясь.

В грудь забили свиньи с хобрами, копытом землю изрыли в порыве отчаянном, заржали нечестивые на разные голоса, соглашаясь с участью.

– Видать, совесть проснулась-таки, – прошептал Данил Александрович.

– Сейчас узнаем, – лукаво отвечала жена.

Степан Ладамирович все это время ни живой ни мертвый стоял, только знамением святым от злых духов все время себя окрещивал.

Вышел заглавный среди нечисти, что вместо головы слоновью башку имел, протрубил в хобот и пал на колени:

– Бери наши жизни, матушка, и распоряжайся, как считаешь нужным. Без цели жить – хуже всего! Лучше смерть честная, чем жалкое существование.

И остальные монстры преклонились в согласии.

– А не будет ли такого, чудища, что, завидев хозяина старого, залижете сапог его, что пинал вас как следует по башкам косматым? А руку, что кормит, вновь укусить захочется?

Выступили слезы у минотавров и песиглавоу престрашных, зарыдали рыла и ряхи свиноподобные.

– Кто из нас еще раз предаст руку кормящую – сами из-под земли достанем дружиною и вырвем с корнем предательскую прожилину! – грозяще оскалили страшные бивни и клыки отродье нечеловеческое.

– Веру к делу применяй, а дело к вере, – молвила староста и стала рассказывать: – Снова иго против Земли собирается, тучи черные над светом нависли, вновь хотят супостаты испить кровушки человеческой. Никто не верил, что решатся проклятые, да, видать, маловато в прошлый раз показалось им. Наимудрейшие, наисильнейшие, вечные и бессмертные разыскивают Илью Муромца, Спаса нашего прехраброго, что уже давал отпор врагам человечества. Говорят, отправился смелый сокол в дебри души людской, чтобы туда свет донести до самых опущенных и униженных. В кромешный ад опустился Илюша. Надобно нам отыскать его! Без него, без Великорусского Духа, наследника доблестной славы, прашурами подаренной, без силы неустрашимой, НЕПРОБИВАЕМОЙ, за Землю Родную, за сородичей, за детей и за будущее, где каждый готовый головушку свою сложить и драться до последней кровиночки, – трудно нам противостоять станется.

Закивали башками косматыми ироды, внимая.

– Надобно нам добраться поскорее в деревню, что подальше лесных буреломов, за буграками, за топяи лежит. Туда все знаки ведут и скрещиваются. Там искать надобно.

Обернитесь, звери, в животных диких, донесите быстрее нас до Старбеево. У деревеньки схоронитесь в поле, чтоб народ честной не пугать своей разношерстностью, пока мы разузнаем, в чем дело. Под моим покровительством никто не тронет вас. Да сидите тише воды ниже травы!

Замотали в решимости мордами страшными изверги, а потом обернулись всякими животными дикими, как им велели давеча. А Павлина Куприяновна тем временем с мужем на спину к слону длинноносому присели, Степана Ладамировича к верблюду на горб посадили, остальные коты, свиньи, пёсы, птицы, быки клином построились и такой дружиною быстро вперед направились на поиски Ильи Муромца в деревню Старбеево, куда знаки природные сводились.

Сыр-бор в Старбеево

Оставив в поле животных кривдых, вошли Павлина Куприяновна с Данилом Александровичем и старостой старбеевским Степаном Ладамировичем в деревню, куда знаки природные привели, и обнаружили ее пустой и безлюдной.

Поначалу удивился мужик в красивой вышиванке, а потом догадался: видать, на вече люд собрался, пока его не было, ситуация вскипела пеною, вот и пошли ее успокаивать – решение всенародное искать.

Направились на Кудыкину гору, где всегда собрания готовятся, и увидели и услышали, как бушует толпа сердито.

Разделилось общество на много сторон, и стоят друг другу доказывают правоту свою, им лишь понятную, остальных не слыша. Одни вспоминают, кто первый начал, вторые припоминают – кто виноват, третьи толкуют, что надо всем успокоиться, четвертые за перемирие, пятые за разделение, шестые – воздержавшиеся, а по центру стоит, бровью не ведет девушка-красавица с глазами бирюзовыми, ресницами пушистыми светлыми, косами длинными русыми, в сарафане нарядном и с улыбкой на лице лукавой, вздорной. Будто приятно ей самой в центре урагана находиться, брань выслушивать, нарываться на ругательства.

Поздоровался зазывно Степан Ладамирович, заявляя о своем присутствии. Поутихло общество и вмиг обрадовалось возвращению выборного старейшины.

– Здравствуйте, люди добрые, – кланялась чета Тихомировых-Курдюмовых. – Славы и почета! Мы, Данил Александрович с Павлиной Куприяновной, к вам по приглашению Степана Ладамировича пожаловали.

– Приветствуем гостей, – кланялись в ответ старбеевцы.

– Видим, спор горячий растревожил мироустройство, – начала было пребывательница.

– Правильно видите, тётенька, – вдруг ответила не по праву старшинства да звания русая красавица, заканчивая косу доплетать. – Собрались среди родных и близких решить, наконец, как свою жизнь к лучшему менять. И решим, если позволите, своим кругом, без посторонних глаз и ртов, – и сверкнула глазищами прекрасными, отворачиваясь нелюбезно, будто закончен разговор.

Заохали люди от позорного поведения своей односельчанки и опять затараторили, что гнать ее в шею надо. Остальные безропотно стояли смотрели, чем закончится.

– Все верно глаголите, только ведь и я старбеевским не чужая. Вот Андимир и Андагаст – мои троюродные братья стоят, заприметила Бачуда с Бостивой – племяшек четвероюродных, деверя со стороны Курдюмовых – Собеслава и Твердона с женами Умилой и Чароокой. Приветствуем! – поклонилась с улыбкой. Родные тоже заулыбались, распознав знаменитую родственницу.

– И я смотрю, Толимир и Прекрас, теткин сыны, женились и уж потомство наплодили, Род прославляя, – поддержал Данил Александрович, махая рукой знакомым лицам в благодушии.

– Приветствуем! – отозвались молодые мужчины, и жены их часто в пол закланялись.

Всем миром признали родство и со старейшинами поздоровались, приглашая к собранию.

– Ну, а теперь по старшинству, по рангу и положению прошу, добрые люди, заглавные и ответственные здесь, объяснить причину ссоры и переполоха.

Отодвинули невоспитанную красавицу с прихлебателями сварливыми в сторону и объяснили, что часть населения противится устоям старинным, богатству, от предков мудрых доставшемуся, из уста в уста с молоком матери передавать смысл и философию жизни в любви и уважении, почете и славе, родстве и силе к другим людям и к предкам божественным. Алла

Сергачевская же, дочка Громилы и Мирославы Царьградских, молодуха, оставленная Притславой Буйным, настаивает, что давно уже каноны устарели, подговаривает часть деревни отделяться и по-новому, передовому устью жить, где каждый себе хозяин, со своим царем в голове и каждому такому царю всё дозволено равно с другими, не глядя ни на возраст, ни на положение.

– Интересно же знать, по какому-такому новому? – поинтересовалась Павлина Куприяновна.

– А по такому, что, если человек умом широк, силою могущ, хитер, ловок и властен, – в первую очередь ему почести и славы даруют, а не узколобым скучным деревенщинам командовать разрешают, – с ухмылкой вещала девушка. – И потом, нигде ваши законы не записаны, нигде не отмечены, в руках их потрогать-подержать – не чается. А на слово не верю я! И люди смелые не верят! – и рукой указала на других неверующих, что пыжились за ее спиной, гордо выгибаясь. – Сначала докажите, что предки нынешним старейшинам мудрость передали. А может, те глуховатые неправильно услышали или недопоняли... – рассмеялась зло красавица, а прихлебательницы ощерились, – а нам теперь расхлебывать да следовать лживым наветам с канонами...

– А кто ж оценки расставляет широкому уму? – хитро спрашивала Павлина Куприяновна, улыбаясь вопросом на вопрос.

– Так оно и так видно, где рожь, где плёвна от зерен, – косами золотыми воротнула гордо молодуха.

– Вот именно, что, пока не проверишь, – не узнаешь, где пустое, а где наполненное. Да порой и набитое смердит не тем, чем грезилось. Снаружи лишь лакомо, внутри-то плесень и гниль застарелые. Разок откусил – быстрее выплюнуть хочется, – раззадоривалась Павлина Куприяновна, глазами посверкивая, глядя, как стрелы острые в нужное место попадают. –

Поэтому мудрые пращурь и постановили срок испытательный новоделам и новосёлам давать, прежде чем хвалы распевать да власть даровать, – продолжала говорить Павлина Куприяновна, теперь уже к людям обращаясь, а к девице спиной поворачиваясь, как та недавенько проделывала. – А насчет канонов, – серьезной староста сделалась, вспоминая тяжелое, – бывали уж времена, когда листу пергаментному верили больше, чем соседу. Повелось человечество на приманку хитрую иноземную верить лишь написанному. Да только опасное это дело, когда человек человеку не доверяет и бумагу выше уговора ставит. Оттого всем миром вселенским порешили, что конь с канонами у древлеправославного человека не на бумаге должны быть, а в голове!

Нехорошо девица цыкнула в ответ.

– Павлина Куприяновна, всю жизнь ты в старостах ходишь и при первом муже правой рукой пробывала, большой опыт житейский накопила. Рассуди нас, добрая, – призывали взрослые люди.

– Давайте разбираться, друзья, – согласно кивала гостья. – Присядем, в ногах правды нет.

И расселись согласно правилам старинным: кто голос имеет – поближе к кругу, а кто только приголосок – подальше. Однако ж Алла Сергачевская, которая по положению в четвертый круг уйти должна была, ибо ничего хорошего за свой срок еще для общества не сделав, осталась. Никто не зароптал. Знали, в ней весь камень преткновения. И прислужницы сварливые, гордо выставив руки в боки, стоять остались на месте прежнем, им недозволительном.

– Кого желаешь послушать первым?

Оглянулась Павлина Куприяновна, а потом подошла к одной из товарок невоспитанных Аллы Сергачевской и спросила:

– Скажи мне, женщина, зачем тебе здесь быть понадобилось? Какой у тебя вопрос?

– Лично у меня вопросов не водится, да подругу мою исключить из общества без причины хотят. Говорят, не работает, бездельничает, не участвует в общественных начинаниях, раздор сеет. А это неправда! Веселая и хорошая она девушка, интересные вещи рассказывает, знает много из прошлой жизни столичной. Вот если б прислушались к ней, много бы пользы деревне вышло. Интереснее б жизнь пошла. Веселее. Ее в управление надобно. Я за нее стою, – присовокупила кивком.

Пригляделась к ней поближе Павлина Куприяновна, пока та речь толкала, взяла за локоть ласково и говорит:

– Как поняла я, жизнь в Старбеево тебе скучной и простой кажется, намного лучше мерещится в столице иль где подальше, в иноземных изумрудных краях. Знаю такое мнение. – Потом глаза закатила, будто вспоминая давнее. – Расскажу тебе одну историю поучительную, не торопись прерывать, послушай. В Вечканово жила-была одна красавица вроде тебя, замужем была за хорошим работающим мужиком. Только он ей простоватым казался, а сама она себе сложной и глубокой. И подруги с соседками подтверждали несхожесть, ибо образованная и вниманием обласканная девица с молодости росла, в чужих речах ошибки находила, поправляла других за проступки, слыла дюже грамотной и преумной. И вот в один прекрасный день, наслушавшись разговоров о насыпях золотых в чужих краях, собралась в дальнюю дорогу, оставляя мужа нелюбимого и родных в болоте прозябать. Потеряли ее без вести и горевали-плакали о душе неприкаянной, в родных краях счастья не нашедшей. Да только быстро-скоро сама возвратилась в стан кровный с головой седой не по годам, с глазами пустыми от утрат многочисленных, без чести и без права, – тяжело в глаза собеседнице Павлина Куприяновна узрилась, будто разговаривала сейчас с той самой, про которую сказ вела. – А истина возвращения простой оказалась: что суета сует везде – хоть на земле, хоть на небе, хоть в столице, хоть в загранице. И мечты одинаковые, и богатые с раскрасивыми плачут, коли не правы, и глупость с мудростью бок о бок ходят, а вот сказки у всех по-разному сказываются, кто какого конца достоин, – понизила голос пожилая женщина, головой указывая на подруг. – Хлебнула

одинокости, предательства, опыта скверного, обманутая, уставшая, больная вернулась в отчий дом, думая к мужу-простаку в объятия упасть и жизнью мирною, ранее ненавистною, зажить. Глядь, а он больше и не муж ей, а живет-поживает в доме лучшей подруги. Прознала она, что как только уехала, так сразу все советчицы разудалые на него и накинулись, всем он вдруг раскрасивым, распримерным, расхорошим показался. А был он хоть и простой, да настоящий, сердечный мужик, которых еще поискать. И тогда только поняла эта женщина, что никому в целом свете не нужна стала. Ибо по-настоящему никого в жизни не ценила и не любила кроме себя, и ее, родимую, некому любить: ни детей, ни друзей истинных не заработала, родных опозорила и обидела. Заболела сильно от такого знания неутешительного и подалась одиноко в дебри дремучие, подальше от жалости человеческой, жизнь свою несчастную доживать. И ни от кого помощи не принимала, озлилась праведно на себя... Вот такая история грустная... А давно ли ты своего мужа видела, женщина? Давно ли спрашивала, как у суженого дела, как настроение? Давно ли баловала кашей своей отменной свадебной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.